

№3

ЧЕЛОВЕК И КРИЗИС
ОКРУЖАЮЩЕЙ
СРЕДЫ

ФЕНОМЕН ФОЛЬК-
ХИСТОРИИ

ИНФОРМАЦИОННАЯ
СЛУЖБА
КОНГРЕССА США

ДЕТЕКТИВ: КАТЕГОРИИ
ЖАНРА

3'2000

МАМА ПР

БИБЛИОТЕКА

Искренний друг русской словесности

Полуденский-библиограф

Кандидат педагогических наук Любовь Моисеевна РАВИЧ завершает рассказ о жизни российского библиографа, библиофила и историка, одного из основоположников отечественной исторической библиографии Михаила Петровича Полуденского.

Для того, чтобы объективно оценить вклад М. П. Полуденского в отечественную библиографию, следует прежде всего попытаться определить значение библиографической школы, к которой он принадлежал. "Невозможность написать биографию ученого, вырванную из "контекста" судеб научного сообщества, в котором он жил и творил, становится особенно очевидной в наши дни", — таково мнение современных науковедов*.

"Судьбы научного сообщества", к которому принадлежал М. П. Полуденский, сложились, как мы знаем, весьма драматически. Советские исследователи истории библиографии буквально состязались друг с другом в поношении библиографической школы середины прошлого века. Чего только ей не приписывалось! И формализм, и объективизм, и отрыв от насущных требований эпохи, и противостояние революционно-демократическому лагерю в вопросах общественных функций библиографии. Никаких серьезных аргументов в защиту такой трактовки не приводилось. Не были проанализированы и труды представителей этого направления. В дело шли лишь вырванные из контекста "высказывания", к тому же, как правило, весьма вольно перетолкованные. Вдруг оказалось, что круг "Библиографических записок" (ныне признанные последователи Герцена) — идейные противники "Современника", что осуществленные ими публикации документов русской истории "отвлекали читателей от общественной борьбы" (Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г. — М., 1956), что они создали немислимую "библиографию для

См. журнал №1 '2000.

* Человек науки. М., 1974. С. 105.

библиографии” по аналогии с “искусством для искусства” (Общая библиография: Учеб. для библ. ин-тов. — М., 1957) и тому подобные инвективы в стиле “ретро”, над которыми сегодня можно было бы посмеяться, если бы они не задержали на долгие десятилетия изучение одной из самых интересных, поучительных, ярких страниц истории отечественной библиографии. Причем хочется отметить еще одно парадоксальное обстоятельство: историков русской библиографии при этом немало не смутило, что в русле данного “бесплодного” направления создавались указатели, вошедшие в золотой фонд отечественного книговедения.

М. П. Полуденский

Михаил Петрович Полуденский был полноправным членом того научного микросоциума, который мы условно называем кругом “Библиографических записок”. Ныне (да только, увы, не историками библиографии) уже твердо установлено, что то было содружество прогрессивно настроенных молодых книжников, преимущественно “лондонской” ориентации. Общим для них являлся горячий интерес к истории России, народному обычному праву, истории литературы, А. С. Пушкину, П. Я. Чаадаеву, декабристам, вольнодумцам осьмнадцатого столетия Н. И. Новикову, А. Н. Радищеву, Д. И. Фонвизину, М. М. Щербатову. Эти темы без труда можно проследить в работах каждого из них, причем в работах как библиофильских (и шире — книговедческих вообще), так и в чисто библиографических.

М. П. Полуденский был, как мы любим говорить, “типичным представителем” этого сообщества. Если историки библиографии его одного из всех его сотоварищей не причислили к мифическим формалистам и объективистам, то только по той причине, что он был прочно забыт. Повезло человеку...

Полуденский пришел к занятиям библиографией очень рано, еще на студенческой скамье. Во всяком случае уже в 25-летнем возрасте он издал капитальный указатель, потребовавший многих лет напряженной работы. И личные качества, и обстоятельство биографии как нельзя более способствовали выработке из него незаурядного работника, во многом опередившего библиографическую практику эпохи.

Он дебютировал на страницах русской печати в 1854 г., и первой его крупной работой был “Указатель статей по русской истории, географии, статистике, русскому праву и библиографии, помещенных в “Московском вестнике””. Выбор журнала не случаен. Он издавался группой московских “любомудров”, главою которых был рано скончавшийся Д. В. Веневитинов. “...Веневитиновский кружок, — пишет Д. Д. Благой, — в первые два-три декабрьских года был единственным литературно-дружеским объединением, отличавшимся вольнолюбивым духом и тем самым продолжавшим в какой-то

мере идейные традиции декабристов”***. Нельзя забывать и о том, что в “Московском вестнике” в первые два года издания активно сотрудничал А. С. Пушкин. “Московский вестник” сыграл свою роль и в истории отечественной библиографии: на его страницах опубликован “Список всех книг, вышедших в России в 1869 году” В. Д. Комовского — первая в стране полная годовая библиография. Большие достоинства журнала отмечали и современники — Белинский, Гоголь и другие.

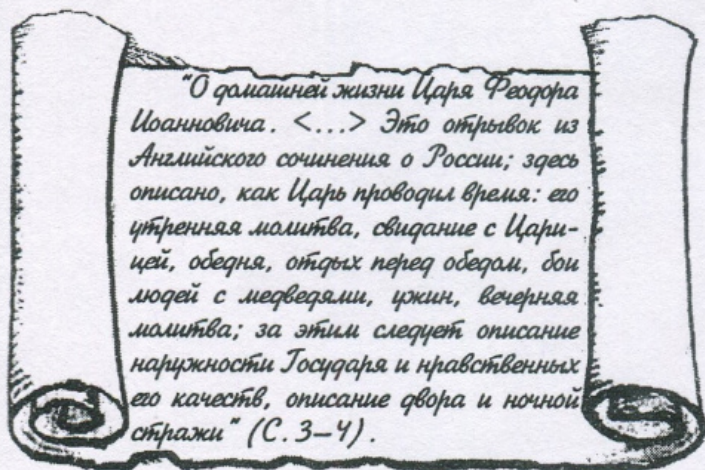
Указатель относительно невелик: в нем несколько более трехсот записей. Но содержание много шире заглавия. В библиографии библиографий по истории СССР о нем сказано: “Хронологический аннотированный указатель материалов, относящихся к России, за исключением некоторых рецензий, стихотворений и всей художественной прозы”****. Это не вполне точно. Дело в том, что, заканчивая обзор статей каждого года, Полуденский дает приложения, необъяснимым образом ускользнувшие от внимания составителей указателей библиографических пособий. В этих приложениях (весьма обширных)

* Полуденский М. П. Указатель статей по русской истории, географии, статистике, русскому праву и библиографии, помещенных в “Московском вестнике” // Временник имп. Моск. о-ва истории и древностей рос. 1854. Кн. 19. С. 1—44 (отд. 4); То же. Отд. отт. М., 1855. Этот указатель пропущен в списке трудов Полуденского (Антиквар. 1903. № 1/4. С. 32—35).

** Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 73. Подробный анализ “Московского вестника” см. также: Маймин Е. А. Русская философская поэзия: Поэты-любомудры. А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев. М., 1976.

*** История СССР. Аннот. указатель библиогр. пособий, опубл. на рус. яз. с нач. XIX в. по 1982 г. М., 1983. Ч. 1. С. 6.

он перечисляет “литературные произведения известных писателей наших”, напечатанные в течение года в журнале, — и вот здесь как раз и названа вся “художественная проза”, да и поэзия тоже. Эти приложения — результат тщательного изучения текстов, включенных в указатель, и не только их. Называя опубликованные в “Московском вестнике” сочинения А. С. Пушкина, Д. В. Давыдова, А. Ф. Мерзлякова, И. И. Козлова и других авторов, Полуденский каждый раз приводит сведения о позднейших перепечатках (в собраниях сочинений, альманахах, сборниках), тщательно отмечает и цитирует любые различия, возникающие при переизданиях, что потребовало большого труда и всесторонних знаний литературы. Кроме того, в приложениях даются сведения и о критических статьях, печатавшихся в журнале (чаще всего с оценкой важнейших из них). Каждому библиографу понятно, что для осуществления подобной программы Полуденскому пришлось просмотреть все русские периодические издания, все альманахи и сборники, все собрания сочинений ведущих авторов эпохи. Труд поистине громадный! То, что скрывается под скромным заглавием указателя к одному выходившему всего четыре года журналу, фактически является широкой панорамой литературной и научной жизни России тех лет. Что же до “Московского вестника”, то он весь как на ладони. По этому указателю его можно изучать, не имея подлинника. Но это еще не все. Украшением указателя являются подробные аннотации, рассчитанные на то, чтобы заменить чтение самих статей. В сущности, это рефераты, хотя реферативной библиографии, по нашим представлениям, в России того времени еще не было. По форме они вполне академичны. Составитель не позволяет себе никаких эмоций, никакой оценки. Все строго и просто. Таковы были требования жанра. Ведь такой указатель предназначался исследователям, нуждавшимся не в оценке, а в информации. Вот образец:

В конце большинства таких аннотаций-рефератов даются отсылки либо к аналогичным статьям из других журналов, либо к книгам того же или других авторов сходной тематики. Везде, где только можно, составитель приводит биографические указатели на ту же тему. Такими отсылками снабжены, например, статьи “О календаре русском 1772 года” (С. 4—5), “Красная горка” (С. 8) и многие другие. Отмечаются и перепечатки статей, особенно если они подвергались существенной переработке. В ряде случаев раскрываются псевдонимы, указываются авторы анонимных работ. Короче говоря, указатель содержит массу сведений по исторической литературе в целом.

К работе приложены и “ключи” “мест, имен и предметов”, причем среди последних указаны и периодические издания. Вот какую работу выполнил и выпустил в свет 25-летний “дилетант”.

Аннотации-рефераты Полуденского были так хороши, что их постигла весьма необычная судьба. Вот что пишет биограф В. И. Межова: “В “Русской исторической библиографии за 1800—1854 гг.” Межов применил своеобразный прием аннотирования: он широко использовал (нигде, кстати сказать, этого не оговарив) аннотированные указатели к журналам “Вестник Европы” за 1802—1830 гг. (сост. М. П. Полуденским), “Московский вестник за 1827—1831 гг.” (сост. также Полуденским) <...> Но, приводя аннотации из этих работ почти целиком, Межов их редактирует, поясняет, используя вставки от себя, различные шрифты, вопросительные и восклицательные знаки и другие приемы. Благодаря этому “академически”-бесстрастные аннотации, заимствованные Межовым у других авторов, приобретали полемический характер и ярко отражали его точку зрения”^{*}.

При всем уважении к памяти Зинаиды Львовны Фрадкиной, нельзя не заметить, что этот пассаж производит странное впечатление: В. И. Межов, как известно, никогда не читавший включаемых им в библиографию произведений (и даже возведший это в ранг закона в своих “Советах начинающим библиографам”), “исправляет”, редактирует аннотации, написанные выдающимся знатоком литературы предмета!

Еще значительно следующий труд Полуденского — указатель статей той же родиноведческой тематики, помещенных в “Вестнике Европы” за 1802—1830 гг., включающий полторы тысячи

^{*} Фрадкина З. Л. В. И. Межов (1830—1894). М., 1949. С. 38—39. (Деятели книги).

записей*. Указатель предваряется исследованием по истории журнала. Охарактеризованы сменявшие друг друга редакторы, цитируются их обращения к читателям и прослеживается смена направлений "Вестника Европы" в первые три десятилетия его существования. Особое место Полуденский уделяет участию в журнале Пушкина, а также отзывает на его произведения. Приводится не только содержание критических статей о великом поэте, но и "антикритика" из других журналов. Не обойдены вниманием отзывы на произведения других известных писателей.

Методика составления та же, что и в предыдущем указателе: раскрытие псевдонимов и анонимов, указание на позднейшие перепечатки и аналогичные труды по истории России. Точно так же в конце каждого года указаны выдающиеся произведения художественной прозы и поэзии с цитированием всех разночтений при переизданиях. Если же опубликованное в "Вестнике Европы" произведение не попало затем в собрание сочинений автора, то это обстоятельство также отмечается. Например:

"По указанию г. Лонгинова ("Современник", 1857, № 11) в 1807 году помещено стихотворение Батюшкова, пропущенное в Полном собрании сочинений, изд. Смирдина, — Срубленное дерево, подражание Мелендецу".

Цитирование разночтений и примечания всевозможного рода занимают в указателе десятки страниц и являются богатейшей россыпью фактических сведений по истории книги и литературы. Аннотации-рефераты столь же, если не более, обстоятельны, чем в предыдущем труде, а ведь здесь их — полторы тысячи! Особенно подробно пересказаны статьи книговедческой тематики, которых в "Вестнике Европы" за первые три десятилетия его существования оказалось несколько десятков. Знаменитая статья Н. М. Карамзина "О книжной торговле и любви к чтению в России" пересказана на двух страницах, причем в реферате преимущественное внимание уделено деятельности Новикова. Столь же подробно пересказано содержание статей: "О Музее г. Дубровского" и его библиотеке (С. 26—27), "Записка об Иване Федорове" (С. 210—211), "О Славяно-Русских типографиях" (С. 118), "Краткое описание примечательных книг и рукописей, находящихся в Архиве при Мастерской Оружейной палаты" (С. 244—245) и множество других.

* Полуденский М. П. Указатель статей по русской истории, географии, статистике, русскому праву и библиографии, помещенных в "Вестнике Европы", 1802—1830 // Чтение в имп. О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. 1860. Кн. 4. С. I—XVI, 1—268 (отд. 5); То же. Отд. отт. М., 1861.

Особняком в творческом наследии Полуденского стоит его "Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии". В отличие от других своих библиографических работ, адресованных ученым и потому нарочито сдержанных по тону, здесь автор выступает и как библиограф, и как критик-публицист, обращаясь уже к широкой интеллигентной аудитории. Вот тут, как только зашла речь о предмете, кровно близком его душе, с него слетела вся егр "англоomania", и голос его зазвучал в полную силу.

Обзору предпослано исследование периодических изданий на языках славянских народов, томящихся под австрийским игом. Эта статья обращена "к публике, страстно следящей теперь за политикой, как всегда во время переворотов" (С. 67). С горечью описывая тяжелое положение славянской культуры, он объясняет такое положение не только иноземным игом, но и политической незрелостью и разобщенностью славянских народов. "Мы верим, — пишет он, однако, — что видимое усыпление, апатия некоторых славянских племен есть только временное явление, что много страшной живучести в духе славянина, что рано или поздно — но пробудится в нем жизнь, загорится, закипит его деятельность" (С. 68—69). Залог такого пробуждения Полуденский видит в литературе и особенно в журналистике последних лет. "Журнальная славянская литература, — пишет он, — представляет нам возможность проследить живучесть прогрессивной мысли в деле образования". Под этим углом зрения он и рассматривает все периодические издания на языках славянских народов.

Журналов в обзоре двадцать. Они расположены по языково-этническому признаку: чешско-моравско-словацкие, польские, сербско-хорватские, русинские, или русские. Больше всего польских — десять. Описания журналов отличаются точностью и полнотой. Заглавия даются на языке оригинала с переводом на русский. Вот пример: "Slovenské noviny" (Словацкие ведомости). Год X. Ред. Д. Дихар, помощник его д-р Ииричек. Выходит в Вене, листами *in folio* три раза в неделю, с прибавлением под названием "Svétozoz", выходящим один раз в две недели листами *in 4°*. Далее следует аннотация.

Нет сомнения в том, что для составления подобного обзора необходимо было свободно вла-

* Полуденский М. П. Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии // Рус. бесед. 1859. Т. 3, кн. 15. С. 67—100.

деть всеми славянскими языками. Превосходное знание иностранных языков Полуденский продемонстрировал, еще служа в Архиве, где ему часто поручался перевод всевозможных документов.

После славянских журналов Полуденский перечисляет и характеризует и альманахи (их 16). *“У славян, — пишет он, — ежегодно, большую часть в начале года, выходит в свет много альманахов или сборников. <...> Старина, с которой заботливые и предусмотрительные археологи и библиографы стирают пыль, почти всегда занимает в них почетное место”* (С. 88—89). Это в его устах большая похвала.

Обзор венчает программное произведение Яна Коллара, которого Полуденский называет “проповедником литературной взаимности славян”. Решаемся высказать предположение, что перевод этого стихотворения принадлежит самому Полуденскому. Ни в одной из биографий знаменитого чешского поэта не указано переводов его произведений на русский язык до 1870-х гг., когда Н. В. Гербель перевел отрывок из его поэмы “Дочь Славы” (обзор же Полуденского напечатан в 1859 г.).

Вот это стихотворение:

*Я говорил себе: “Отдамся весь судьбине,
Славян гнетущей с давних пор;
Пред силою ее смиряюсь я отныне:
Напрасен всяческий отпор!
Я призрак создавал! Ему ли подчинится
Мирских событий верный ход?
Пусть предназначенный завет
Творца свершится —
Во прах, униженный народ!
Нет, берегись, собрат, лжемудрого совета —
Не избегай такой борьбы!
Всесильный наш Творец,
создатель мудрый света —
Творец и созданной судьбы...
Не забывай его священного завета:
Все люди братья — не рабы!”*

Кроме того, зная исключительную щепетильность библиографа, нельзя себе представить, чтобы он, зная автора перевода, не указал его. Полуденский вообще не чужд был поэзии. Из его опубликованных стихотворений укажем на напечатанное в изданной им книге “Три вторника”. Перевод (да, вероятно, и сам подлинник) не блещет особыми поэтическими достоинствами, но пафос его вполне ясен: это призыв к славянам не прекращать борьбу против австрийского владычества.

Полуденский глазами современников

Вот как описывает его Михаил Загоскин, младший сын известного писателя, приятель нашего героя: *“Высокого роста, чрезвычайно худой, некрасивый, с рыжеватыми волосами, он походил более на англичанина, чем на русского, но под эту холодную наружность у него было теплое русское сердце, преисполненное любви к родине и к своему ближнему. <...> Полуденский не любил общества, был серьезен и не только многосторонне образован, но и учен”**. Б. Н. Чичерин называет его в своих воспоминаниях “тихим и кротким” в отличие от Сергея, веселого, остроумного и, как он пишет, “весьма легкого”**. Литературовед и книговед В. Неклюдов отмечает в некрологе Полуденского “высокие качества ума и сердца” безвременно ушедшего деятеля культуры. *“В таких-то именно людях, — заключает он, — скромно работающих и чуждых общественной шумихи, нуждается, более, чем когда-либо, наше отечество”****. Единодушны с ним и авторы других некрологов (“Русский”, “Московские ведомости”, “Москва”, петербургский “Голос”).

Работы Полуденского по истории книги и библиографии чрезвычайно высоко котировались. Известный эпиграмматист и насмешник С. А. Соболевский составил конволют из работ Полуденского (23 названия), и этот раритет был куплен Публичной библиотекой при распродаже собрания Соболевского в Лейпциге. Будучи членом Общества любителей российской словесности, Полуденский был избран секретарем, а затем и казначеем Общества. Ему же доверили редактирование сочинений А. Ф. Мерзлякова, предпринятое ОЛРС (М., 1867).

Вокруг Михаила, как некогда вокруг его брата Александра, образовался круг людей, связанных с ним общими культурными и книговедческими интересами: семьи Благово, Рачинских, а через них и Баратынских (сестра поэта была замужем за известным деятелем просвещения С. А. Рачинским), а из людей старшего поколения — Соболевский, Полторацкий — люди пушкинского круга.

В некрологе, упоминавшемся выше (в газете “Русский”), Полуденский был назван *“одним из искренних друзей Русской словесности, обладавшим большими сведениями по части библиографии”*, или, как мы бы теперь сказали, это был

* Собиратели книг... С. 42.

** Чичерин Б. Н. Воспоминания Б. Н. Чичерина // Рус. общество 40—50-х годов XIX в. М., 1991. Ч. 2. С. 84.

*** Рус. архив. 1868. С. 1488.

деятель культуры широкого профиля: публикатор, редактор, историк книги, выдающийся библиофил.

Тот же Загоскин вспоминал: переехав на новую квартиру (в доме Полуденских), он доставшиеся ему после смерти отца книги попросту сложил кучей на полу. *“Поступок этот, — пишет он, — свидетельствовавший о недостатке моего образования и пренебрежении к книгам, привел в негодование Михаила Полуденского. Он сильно распек меня, назвал неучем и невеждою и сам привел в порядок все разбросанные книги”**.

Обратим внимание на поведение Полуденского. Истинный библиофил, он не только поучает легкомысленного товарища, — он распространяет вокруг себя атмосферу любовного отношения к книге и как к предмету материальной культуры, и как к вместилищу человеческого духа. Библиофил не только по призванию, но и в повседневной жизни, он мог у многих воспитать (и, вероятно, воспитал) истинную любовь к книге. В отличие от таких светских людей, как Геннади и Лонгинов, которые, будучи первоклассными знатоками и собирателями книги, в быту не отличались от других людей своего круга, Полуденский всегда и везде вел себя как книжник, чуждый суетных удовольствий, и ставил превыше всего духовные блага. Если можно считать, что русский библиофил середины прошлого столетия — это определенный культурно-исторический и социально-психологический тип, то в лице Михаила Петровича Полуденского мы имеем ярчайшего представителя этой категории.

* * *

В архивах нашей страны покоится множество интересных материалов, связанных с Полуденским. Они, как правило, не только не опубликованы, но и просто подчас неизвестны историкам библиографии. Вообще имя Полуденского мало что говорит читателям, даже специалистам, несмотря на бесспорные заслуги перед русской культурой как его самого, так и редактировавшегося им журнала “Библиографические записки”**.

* Собиратели книг... С. 42.

** О Полуденском, кроме некрологов и немногочисленных заметок в словарях и энциклопедиях, имеются две мои статьи — “Рок семьи Полуденских” (Собиратели книг в России. С. 40—49) и “Михаил Петрович Полуденский (Рассказ о забытом библиографе)” (Историко-библиогр. исслед.: Сб. науч. тр. Л., 1990. С. 113—131). В первой он показан преимущественно как библиофил, а во второй — как библиограф. О “Библиографических записках” как органе партии Герцена в России см.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты “Полярной звезды”. М., 1966. Гл. “Друзья “Полярной звезды”.

Зная, что дни его сочтены, Михаил Петрович, не надеясь на наследников, разумно распорядился своими бумагами: пугачевские (лунинские) документы отдал в Румянцевский музей (ныне отдел рукописей РГБ), а остальные бумаги подарил Чертковской библиотеке (ныне — в ОПИ ГИМ). Здесь хранятся: рукопись воспоминаний его отца о Московском университете, писанная рукой Михаила Петровича, бумаги А. М. Лунина, рукописи разных авторов, собиравшиеся несколькими поколениями этой замечательной семьи, автографы русских и зарубежных писателей — объект коллекционирования младшего Полуденского, статьи и заметки по вопросам библиографии. Наибольший интерес для создания полноценной биографии нашего героя представляют письма к нему Я. К. Грота, И. С. Аксакова, П. В. Анненкова, О. М. Бодянского, А. М. Жемчужникова, И. В. Салиас (Евгении Тур) и др.* Что же касается писем самого Полуденского, то они, естественно, расплывены по фондам его корреспондентов. Особый интерес представляют его письма к Г. Н. Геннади (20 единиц, РГАЛИ, ф. Геннади), Лонгинову и Соболевскому (оба в РОИРЛИ, ф. Лонгинова). Все это богатство еще не вошло в научный оборот и ждет молодых энергичных исследователей.

* См.: Путеводитель по фондам личного происхождения отдела письменных источников Гос. ист. музея. М., 1967. С. 187—190.

